

У304
679
Н. Ахшарумовъ

РУССКІЯ СКАЗКИ ДЛЯ ДѢТЕЙ

I

ВѢТРОВА ХОЗЯЮШКА

Со многими рисунками

Издание четвертое

И 24941
Цѣна 9 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Книгоиздательство Н. С. Аскарханова

6, Троицкая ул. 6

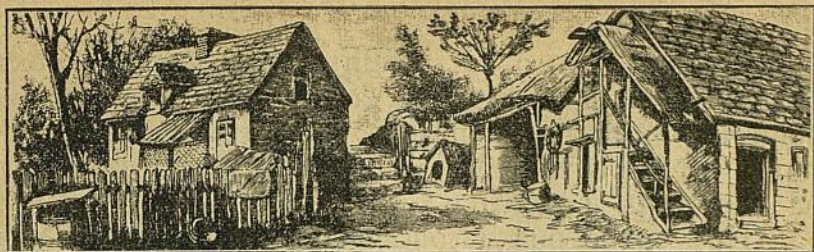
1911

2007084021

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Коммерческая скоропечатня,
Лиговская 57.

ВѢТРОВА ХОЗЯЮШКА

I

Переселился мужикъ на чужую сторону и построилъ избу; да мѣсто выбралъ неладное: открыто со всѣхъ сторонъ и вѣтеръ кругомъ гуляетъ, посвистывая; да какъ встрѣтитъ избу мужика, такъ даже взвоетъ со злости, что поставили ему на пути такую помѣху. Лютымъ звѣремъ замечется, за кровлю ухватить—рветъ кровлю, хлопаютъ ставнями, ломится въ двери, а иной разъ какъ хватить съ разбѣгу въ стѣну, такъ все ходуномъ и заходитъ... Снесу,—говорить,—твою избу!... Зачѣмъ выстроилъ у меня на дорогѣ?

Но мужику не въ домекъ; а только досада беретъ, что вѣтеръ къ нему придирается.

— Какого дьявола ему отъ меня нужно?—ворчалъ онъ однажды, подъ вечеръ, когда на дворѣ стемнѣло и за дверью опять стало быть да постукивать. А молодая хозяйка, глядя на падчерицу, подшучиваетъ;—это онъ,—говорить,—за твою Машку сватается.

— Не ври!

— Чего врать-то? Нешто не видалъ какъ льнетъ?.. Только за двери, а онъ ужъ и тутъ; догонитъ, обниметъ, за платье ухватитъ, на ухо шепчетъ... А какъ уйдетъ отъ него въ избу; вотъ онъ за нею сюда и ломится...

Не успѣла она договорить, какъ издали загудѣло, захопало; словно табунъ лошадей мчался къ избѣ; ближе и ближе,—притихло на мигъ, будто силу собирая,—да вдругъ какъ шаррахнетъ!.. Дрогнула мужикова изба, вся, сверху до низу, и дверь отлетѣла настежь. Снаружи пахнуло холодомъ и словно ворвалось что-то. Тяжелый дубовый столъ пошатнулся, посуда, звеня, полетѣла на полъ; но въ ту же минуту огонь потухъ и внутри стало темно какъ въ трубѣ, такъ что съ испугу никто не успѣлъ разглядѣть что такое случилось. Слѣдомъ за тѣмъ все стихло и дверь затворилась смирнехонько.

Очнулся мужикъ, сталъ шарить въ потемкахъ, досталъ огниво, кремь, и дрожащей рукой засвѣтилъ лучину... Глядь:—а въ избѣ у него сидитъ гость: богатырь, ростомъ въ косую сажень; лохматый, косматый такой, бородища метлой и образина такая сердитая, страшная.

— Здравствуй, мужикъ!—говоритъ.—Давненько я до тебя добираюсь и въ двери къ тебѣ не разъ стучался; да ты добромъ не хотѣлъ пустить; такъ ужъ теперь, не прогнѣвайся, вошелъ къ тебѣ въ гости непрошенный.

— Да ты кто такой?

— Ужъ будто не узнаешь?.. Я, братецъ мой, Вѣтеръ, здѣшняго мѣста хозяинъ. Земля, какъ глазъ хватаетъ, и дальше, на многія версты кругомъ,—моя. А такъ какъ ты, у меня не спросясь, поселился, такъ и плати теперь выкупъ.

— Какой такой выкупъ?

— А вотъ какой. У тебя дочка красавица. Отдай ее мнѣ. Если доброю волею отдашь, оставлю тебя въ покоѣ; волоса у тебя съ головы не сдую, соломинки съ кровли не унесу. А не отдашь, управлюсь съ тобою по своему. Приду съ братьями Громомъ-Богатыремъ и Градомъ-Богатыремъ; приведу и сестру свою, Черную тучу съ бичами огненными. Сестра твои скирды спалить, твое сѣно сожжетъ; братья твой хлѣбъ и скотину побьютъ; а я самъ, своими руками, снесу избенку твою и все добро твое размечу, такъ что щепка со щепкой во вѣки не свидятся, щепка отъ щепки ляжетъ на десять верстъ.

Мужикъ, услыхавъ такія слова, обмеръ отъ страха и повалился въ ноги богатырю.

— Помилуй! — взмолился; — не погуби!.. Бери изъ моего добра что хочешь; —любое отдамъ; слугою буду тебѣ, буду пахать на тебя, молотить...

— Не нужно мнѣ этого ничего, —отвѣчалъ богатырь. —А тебѣ сказано: дочь отдай.

— Да взмилуйся! Какъ же ее тебѣ отдать, —говорить. —Вѣдь ты погубишь ее, оборвешь всю, невѣсть куда занесешь...

— Ничего, —отвѣчалъ богатырь. —Пусть погуляетъ со мною по бѣлому свѣту, полюбуется на края чужедальніе. Не все же дѣвицѣ за печкой сидѣть. А что до одежды, то объ этомъ ты не печалься. Одну оборву, въ другую одѣну, и будетъ она, у меня, не хуже царицы наряжена. Окутаю сизымъ туманомъ, одѣну тучками золотистыми, осыплю пухомъ цвѣтовъ, обовью паутинкою шелковою; умою дождемъ, осушу краснымъ солнышкомъ...

Чудна показалась такая рѣчь мужику и его хозяйкѣ, а пуще всего дочери. И страшно ей было

слушать богатыря. И сидѣла она, прижавшись къ отцу, рукавомъ закрывая лицо, украдкой изъ подъ рукава выглядывая.

— Что-жъ ты мужикъ молчишь? Чести моей не хочешь, либо угрозы боишься? Али тебѣ сроку подумать надо? Ну, такъ и быть, даю тебѣ срокъ, до завтраго, до полудня. Въ полдень, чуть солнце за тучку спрячется, и въ полѣ вихорь закрутитъ, выводи свою дочь на крыльцо и сдавай мнѣ съ рукъ на руки. Не выведешь, честью мнѣ не уступишь, не сдобровать тебѣ. Прахомъ развѣю все твое достоиніе и пушу тебя по міру нищимъ.

Сказавъ это, Вѣтеръ свистнулъ и вылетѣлъ. Слѣдомъ за нимъ дверь хлопнула, словно ее кто сильный, въ гнѣвъ, рукой затворилъ.

Перетрусилъ мужикъ; не знаетъ на что рѣшиться. А молодая хозяйка на ухо ему шепчетъ:— Чего еще ей?—говорить.—Какихъ королевичей дожидаться? Женихъ и такъ важный... Слышь ты:—хозяинъ всей здѣшной земли. Не поладишь съ нимъ, плохо намъ всѣмъ придется; ни мнѣ, ни тебѣ, ни Машкѣ твоей не будетъ житья;—всѣхъ по-міру пустить. А поладишь,—будетъ и ей и намъ хорошо... Слышалъ, что онъ ей сулитъ? Будетъ молъ у меня, какъ царица наряжена... Сизымъ туманомъ окутаю... тучками золотыми одѣну... пухомъ цвѣтовъ осыплю... обовью паутинкою шелковою...

Такъ шепчетъ жена мужику; а у самой на умѣ другое. Только-бы, думаетъ, сбыть ее съ рукъ поскорѣе, чтобы изъ за ней бѣды не нажить, а тамъ чортъ съ ней! Пусть рядить ее по своему!.. Сизый туманъ не одѣяло пуховое; тучка не парчевой сарафанъ; паутина не кружево. Пушай красота-то ея ненавистная на дождѣ помокнетъ, да на солнцѣ посохнетъ, и пушай унесетъ ее этотъ сорви-голова

Корабль, расщепленный молнией пополамъ.

за тысячу верстъ отсюда, лишь бы ее тутъ не было...

И вотъ уговорила она мужика не ссориться съ Вѣтромъ,—отдать ему Машу.

На другой день, къ полудню, солнце стало за тучку прятаться, въ полѣ сталъ вихорь покручивать. Дѣвку принарядили, сунули ей пряникъ медовый въ руки, въ карманъ орѣховъ насыпали и вывели на крыльцо. А тамъ ужъ словно ее поджидали. Какъ ухватило ее бѣдняжку, какъ заревѣло, да загудѣло, не зная куда и дѣвалась.

II.

Съ тѣхъ поръ затихло возлѣ избы мужика; только иной разъ за дверью свистнетъ, или въ окошко легонько: стукъ, стукъ!.. Мужикъ выглянетъ:—кто тамъ?..—Это я, Вѣтеръ, поклонъ отъ дочки твоей принесъ.

— Ахъ! Зятюшка дорогой! Войди, посиди, отдохни, хлѣба-соли отвѣдай; да о дочкѣ моей поразскажи. Гдѣ то она у тебя голубушка? И каково то ей?.. Весела ли? Здорова ли?..

Но Вѣтру видно не до того;—повернется, свистнетъ, и слѣдъ простылъ.

Былъ онъ большой буянъ и гуляка; нрава крутаго, неугомоннаго, и трудно было съ нимъ ладить, и плохо пришлось отъ него, на первыхъ порахъ, мужиковой дочери. Натерпѣлась она всякаго горя. Носилъ онъ ее по разнымъ далекимъ краямъ, и всю износилъ, оборвалъ, заморилъ. Ночевали они и въ дремучемъ лѣсу, на мшистой постели, и въ снѣжныхъ сугробахъ далекаго Сѣвера, и въ степи, на горячемъ пескѣ;—и не было ей нигдѣ покоя. За-

хочетъ укрыться чѣмъ-нибудь, онъ все сорветъ, да раздуетъ; задремлетъ, а онъ ее какъ тряхнетъ,—и проснулась.

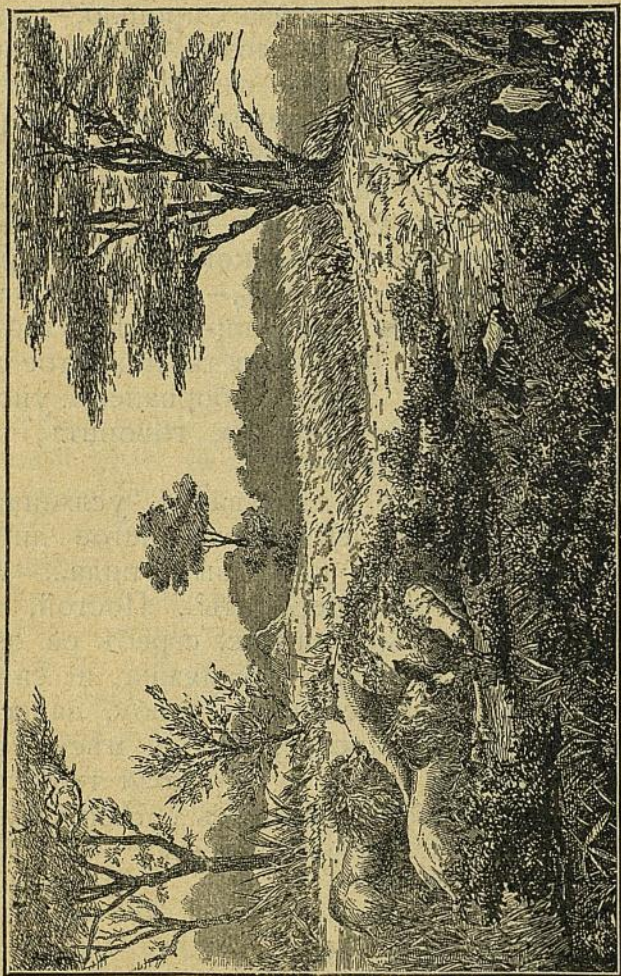
Много-ли, мало-ли этакъ прошло,—наконецъ видитъ Маша, что дѣло плохо; и стала она его укорять... Ахъ ты такой, сякой!—говоритъ,—сорви-голова! Рожа ты не умытая, не причесанная! Нѣтъ у тебя,—говоритъ,—у стараго дурака, ни пріюта, ни кровли,—ни дна, ни покрышки; негдѣ тебѣ молодую жену успокоить—И не занятъ ты,—говоритъ,—бездѣльникъ, никакою работою прибыльною:—не съешь ты,—говоритъ,—и не жнешь и нѣту у тебя ни ремесла, ни торговли;—нечѣмъ тебѣ меня одѣвать и кормить!.. И зачѣмъ ты, лохматое помело, взялъ меня за себя? Зачѣмъ, оборванецъ, унесъ изъ дому родительскаго?.. Али ты, говоритъ, злодѣй, меня погубить задумалъ?

Заревѣлъ Вѣтеръ, разгнѣвался, услышавъ такую рѣчь. Почернѣло его морщинистое лицо; на толстыхъ губахъ, бѣлая пѣна выступила...—А!—говоритъ.—Такъ ты мнѣ перечить?.. Постой, вотъ я тебя ублажу! Налетѣлъ на нее, сгребъ ее за косу, да какъ началъ таскать!.. Бѣдняжка и свѣту не взвидѣла... Насытивъ всю свою злобу, занесъ онъ ее, еле-живую, въ пустое, дикое мѣсто и бросилъ...—Оставайся, молъ, тутъ,—коли тебѣ со мною не мило, и жди пока ворочусь... Закрутилъ, запылилъ, свистнулъ, и былъ таковъ.

III.

Осталась Маша одна-одинехонька. Лежитъ, еле-духъ переводить; думаетъ: смерть пришла. Ань смерти ея тутъ не было. Полежавъ немного, очну-

лась, чувствуетъ: жестко ей и солнце палить. При-
встала, глянула кругомъ:—не видать ни жилья, ни

крова, одни каменья торчатъ, такіе большущіе, да
кое гдѣ жидкое деревцо, а изъ-за холма выглядываютъ
два льва. Захотѣлось ей пить; а воды не видать.

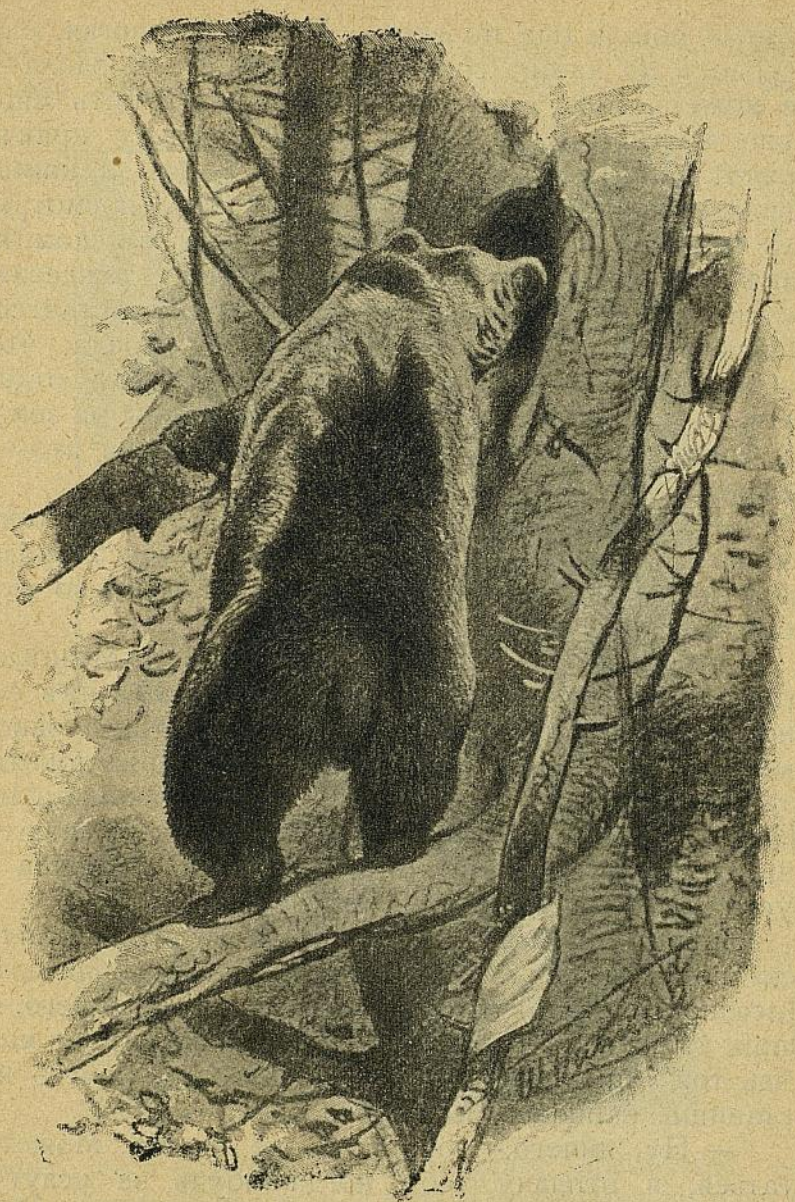
Вотъ и пошла она по воду... Идетъ босоногая, еле ступаетъ по камню горячему... Бродила, бродила — не можетъ воды отыскать — все сухо; а пить еще пуще хочется. Вдругъ, гдѣ-то, неподалеку крикъ! крикъ! и крылья захлопали. Глядитъ — изъ-за камня сѣрая уточка поднялась. Дай, думаетъ, посмотрю гдѣ сидѣла?.. Подошла, видитъ ямочка въ камнѣ, такая маленькая; а въ ямочкѣ лужица дождевая, почти что вся высохла, еле на донышкѣ остается. Однако она и тому была рада, такъ рада, что кажись если-бъ полъ-жизни за эту лужицу отдавать, такъ и то-бы не отказалась. Легла она на земь, да только собралась пить, слышитъ сзади кто-то мычить:

— Дѣвица! дѣвица! Не пей! погоди! Пожалѣй ты меня! Пусти меня прежде! Цѣлые сутки терплю; слюнки свои глотаю; цѣлые сутки капельки во рту не было!

Оглянулась она... что за диво! видитъ: Медвѣдь, стоитъ на суку, видимо ищетъ меду; замѣтивъ ее, онъ соскочилъ, одну ногу поджалъ, на трехъ заковылялъ къ водѣ; язычище у него красный, въ локоть, изъ пасти виситъ, болтается и мухи его облѣпили. Жалко ей стало; думаетъ: у меня языкъ не виситъ еще изо-рта: я скорѣе могу подождать. Отопла и пустила его къ водѣ.—На, пей, говоритъ.

Звѣрь кинулся къ лужицѣ и духомъ выпилъ всю воду, даже на донышкѣ языкомъ облизалъ. Досадно ей стало, что онъ не оставилъ ей ничего.— Вишь ты какой!—говоритъ.—Все вылакалъ; а и мнѣ вѣдь тоже пить хочется! кабы знала, что ничего не оставишь, напилась бы сперва сама.

— Ну, ничего,—говоритъ,—не жалѣй. Можетъ статья, я отплачу тебѣ когда-нибудь за услугу. Она махнула рукой и пошла. Звѣрь за ней. Она

шибче и онъ за ней шибче. Она бѣгомъ и онъ за нею бѣгомъ.—Постой! Постой!—мычитъ, у меня до тебя еще дѣло есть.—А она себѣ думаетъ: какое такое дѣло, кромѣ того что, напившись, ѣсть захотѣлъ, и пуще бѣжать... Слышитъ, медвѣдь пыхтитъ.—Эхъ! —молъ;—кабы не на трехъ, ужъ догналъ-бы я эту дѣвку; ужъ не ушла-бы она отъ меня!—и сталъ отставать.

Догадалась она, что бѣдняга болѣнъ, и что ему не подъ силу ее изловить. Страху поубыло и ей стало опять жалко звѣря. Пропадетъ, думаетъ, если его тутъ бросить... Остановилась...—Слушай ты,—говорить,—косолапый. Если ты, въ награду за то, что я тебя напоила, хочешь меня сожрать, такъ ужъ ты не криви душой; а лучше скажи напрямикъ.

— Нѣтъ;—отвѣчаетъ медвѣдь.—По чести тебѣ говорю, у меня этого не было на умѣ.

— Такъ чего-жъ тебѣ еще надо?

— А вотъ,—говорить.—Поди сюда, посмотри. Что такое у меня съ лапой?.. Болитъ, ступить не даетъ. Кабы не это, давно уже былъ-бы я дома.

Подумала Маша и скрѣпя сердце подходитъ къ медвѣдю.—Ну, покажи, гдѣ тамъ у тебя болитъ?—Звѣрь протянулъ къ ней лапу; самъ стонетъ.

— Эге! Да какая-же у тебя тутъ заноза! Постойка, я вытащу.—Она изловчилась и вытащила зубами занозу.

Изъ ранки брызнула алая кровь. Что дѣлать-то? Нечѣмъ перевязать! Взяла, оторвала отъ рукава лоскутокъ и перевязала лапу.

— Ну, говорить,—теперь будешь здоровъ, прощай.

— Нѣтъ, дѣвушка; мнѣ такъ съ тобою разстаться нельзя. Ты меня напоила и вылечила: хочу и я для тебя что нибудь сдѣлать. Не побрезгай, зайди ко мнѣ въ гости.

— Боюсь, говорить, — можетъ вашего брата тамъ много.

— Нѣтъ никого, я одинъ.

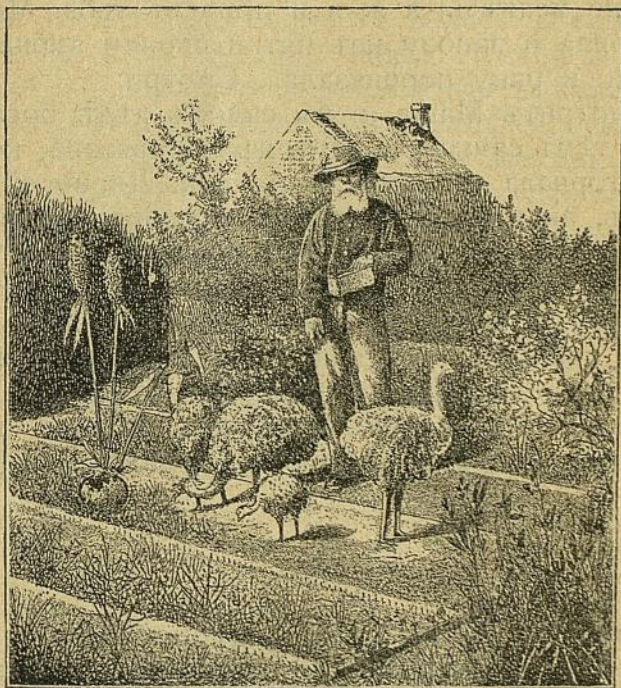
— Но у тебя воды нѣтъ, а мнѣ пить до смерти хочется.

— Ничего, поищемъ, авось и водица найдется.

Чудно показалось Машѣ, что звѣрь съ нею такъ, по человѣчески, разговариваетъ, и въ гости ее къ себѣ зоветъ. Однако, не захотѣла его обидѣть, пошла.

IV.

Шли они этакъ, вдвоемъ, не малое время; наконецъ выбрались изъ пустыни. Видитъ она впереди

зеленая роща, за рощей гора, подъ горою избушка, а у входа въ садъ стоитъ старецъ почтенный... Глядь;—а звѣря то съ нею уже нѣтъ... Туда, сюда, и слѣдовъ не видать.

— Дѣдушка, не видалъ ты сейчасъ, тутъ, медвѣдя?

— Нѣтъ, дѣвушка, не видалъ.

— Эко диво! Шель впереди и прямо сюда; только сейчас изъ глазъ потеряла.

— Тебѣ вѣрно почудилось.

— Какое! Вѣдь онъ сюда меня и привелъ; въ гости къ себѣ просилъ.

— Нѣтъ, дѣвушка; просилъ тебя въ гости къ себѣ не медвѣдь, а я; я и привелъ тебя. Меня ты и напоила и занозу изъ пятки своими зубками вытащила, и рану перевязала... Смотри.

Смотритъ Маша, и въ самомъ дѣлѣ, босая нога у дѣда тѣмъ самымъ лоскутомъ перевязана, который она оторвала отъ своего рукава. Дивно ей стало. А дѣдъ, видя это,—не дивись,—говоритъ, моя красавица; я, такъ и быть, тебѣ правду скажу. Это со мной бываетъ, въ наказаніе за мои грѣхи, что я иной разъ теряю свой человѣческій образъ. Какъ только очень захочется пить или ѣсть, такъ я и дѣлаюсь звѣремъ... Но ты не бойся меня!.. На, вотъ, испей водицы, хлѣбца откушай, да сядь сюда на скамеечку, отдохни;—вишь ты, бѣдняга, какъ заморилась!

V.

Напилась Маша, сѣла, покушала, отдохнула.

— Ну, — говоритъ ей дѣдъ,—теперь расскажи мнѣ душенька, кто ты, откуда, и какъ попала сюда?

И вотъ, стала она ему рассказывать все по порядку: какъ за нее посватался Вѣтеръ, и какъ онъ ее умчалъ изъ дому родительскаго, и какъ они рыскали по свѣту, жили безъ крова и безъ пристанища, и какъ она изморила, какъ стала мужа корить... И говорила она сначала тихонько, но какъ только рѣчь дошла до обиды, не вытерпѣло ея ретивое сердечко; закипѣла въ немъ злая досада.

Вспыхнула вся огнемъ, горячія слезы изъ глазъ ручьями, гнѣвныя рѣчи изъ устъ безъ смыслу, безъ удержу...

Дѣдъ удивился.—Что это ты,—говорить,—красавица? Богъ съ тобой! Успокойся! Но красавица такъ расходилась, что и не слышитъ; дрожить вся, ногами топаешь, руки ломаетъ, волосы на себѣ рветъ.

— А! Такъ ты вотъ какъ! Пстой же я тебя успокою. — Досталъ изъ-за пазухи пузырекъ, отхлебнулъ, да какъ прыснетъ:—такъ ее всю словно водою студеною обдало, и въ ту же минуту притихла. Весь гнѣвъ пропалъ; вздохнула, рукой по лицу провела; подсѣла къ дѣду смирнехонько; смотритъ ему въ глаза, улыбается...—Что это,—молвить,—дѣдушка? Что за чудо со мной сотворилось? У меня на сердце, вдругъ, стало тихо какъ у младенца новорожденнаго!..

А дѣдъ ни слова — только глядитъ да посмѣивается.

Помолчала она немного, и опять къ дѣду съ разспросами.

— Дѣдушка, чѣмъ это ты меня опрыснулъ?

— А это, у меня водица такая: терпѣливою капелькой прозывается.

— Откуда досталъ?

— А вотъ откуда, голубушка; слушай, что я тебѣ расскажу... Подъ горой камень лежитъ, твердый камень; желѣзнымъ ломомъ его не проймешь. А съ верху горы, изъ родника, водица капаетъ на него, терпѣливо, тихонько, ночью и днемъ, въ будни и въ праздникъ, безъ отдыха, безъ перемены. Годы приходятъ и годы уходятъ, а она себѣ, все въ одно мѣсто, тихонечко, капъ да капъ! И нужды нѣтъ, что отъ работы ея долгое, долгое время и слѣду не видно; рано-ли, поздно-ли, докапаетъ на-

конецъ до того, что появится слѣдъ; и станетъ онъ съ каждымъ годомъ глубже, да глубже, и хотя-бъ черезъ сотню, хотя-бъ черезъ тысячу лѣтъ, одолѣетъ она своимъ терпѣньемъ, продолбитъ твердый камень насквозь... Такъ вотъ отъ этой-то самой водицы и изо всѣхъ ея капелекъ та послѣдняя, что упавши сверху на камень, одолѣетъ его наконецъ и насквозь пройдетъ, она то и называется терпѣливою капелькой, и кто не допуститъ ее на землю упасть, кто успѣетъ ее подстеречь и къ себѣ залучить, тотъ залучитъ силу великую; — такую силу, передъ которой горы высокія разступаются, и затворы желѣзные отворяются, и лютые звѣри, тихимъ ягненкомъ, къ ногамъ припадаютъ.

Задумалась Маша... — А велика она, эта капелька? — спрашиваетъ.

— Нѣтъ, милая, капелька эта меньше другихъ; но она всѣмъ другимъ наслѣдница. Вся сила ихъ въ ней и что ты съ нею ни дѣлай, мѣшай съ чѣмъ попало, разводи сколько душѣ угодно, — она не теряется.

— Ахъ, дѣдушка. Какая же это славная капелька!.. Ты, значить, ее разводишь?

— Да, развожу.

— Знаешь что, сдѣлай ты мнѣ услугу, удѣли мнѣ маленько изъ твоего пузырька.

— На что тебѣ?

— А вотъ изволишь видѣть... Если мой муженекъ то любезный ко мнѣ вернется, да станетъ опять таскать меня по свѣту за собою, а я его стану опять укорять, а онъ опять взѣстся, да на меня... Ну, такъ ужъ я ему тогда покажу!..

Дѣдъ усмѣхнулся. — Ну, — говоритъ, — дѣлать нечего. Не могу я тебѣ отказать въ твоей просьбѣ, потому, молъ, что я у тебя въ долгу, а долгъ пла-

тежемъ красенъ. Давай подѣлимся съ тобой по поламъ.

И надѣлилъ онъ ее терпѣливою капелькою.

VI.

Долго-ли, коротко-ли, — соскучился Вѣтеръ по молодой женѣ. Вернулся онъ на то мѣсто, гдѣ бросилъ ее полумертвою, отыскалъ ея слѣдъ, и, вихремъ, по слѣду, пустился въ погоню.

Тѣмъ временемъ Маша бродила одна недалеко отъ своего убѣжища и думала крѣпкую думу о домѣ родительскомъ и о томъ, какъ бы ей воротиться къ отцу.

Вдругъ, слышитъ, издали, — загудѣло, захлопало; глядь: — сѣрый столбъ пыли вихремъ несется за нею; — догнавъ ударился о земь и всталъ передъ нею могучимъ богатыремъ.

— Здравствуй жена! — говоритъ.

— Здравствуй мой муженекъ любезный!

— Ну что, какъ обошлась тутъ, одна безъ меня?

— Да ничего, — говоритъ, — Богъ миловалъ; поотдохнула маленько.

— Ну, будетъ тебѣ проклажаться; — собирайся-ка въ путь.

— Куда это?

— Не твое дѣло. Куда подую, туда тебѣ и дорога.

— Нѣтъ, — говоритъ, — голубчикъ, — спасибо!.. Ступай-ка ты, если тебѣ не сидится на мѣстѣ, одинъ; — а мнѣ надоѣло съ тобою по свѣту маяться и я а кромѣ какъ домой, къ отцу, никуда не хочу.

Осерчалъ богатырь, услышавъ такой отвѣтъ, и лютымъ звѣремъ глянулъ на жену.

— Ахъ, ты,—говорить,—такая сякая,—нескладная!.. Мало тебѣ,—говорить,—отъ меня досталось? Пстой-же, вотъ я тебя!—и накинудся ястребомъ этакимъ. Да только на этотъ разъ и она не сплосшала. Проворно достала скляночку изъ-за пазухи, отхлебнула, да какъ обернется, какъ прыснетъ ему въ лицо!.. Какъ повело его! Какъ скоробило!.. На

земь упаль, крутится, корчится, духу не можетъ перевести... Куда дѣвались и ростъ богатырскій, и сила могучая?... Съежился весь, сталъ такой маленькій, жиденькій,—и вертится у ней въ ногахъ волчкомъ... Изловила она его смѣючись, руки и ноги ниточкой спугала, завернула въ тряпичку,—за пазуху сунула.

— Ну,—говорить,—погулялъ ты, дружокъ, довольно;—теперь посиди, отдохни...—А онъ изъ-за пазухи тоненькимъ голоскомъ:—Маша, голубушка!—Что ты со мною сдѣлала? Маша, родимая,—тѣсно!..

Развяжи ты меня, освободи!..—а самъ бьется, какъ птичка, у нея подъ сердцемъ... Прыснула она на него еще капельку;—совсѣмъ присмирѣлъ и затихъ.

И вернулась она къ дѣду такая веселая, прелеселая...—Ну, дѣдушка,—говорить,—спасибо тебѣ за твою водицу. Сослужила она мнѣ великую службу.

— А что?

— Да что,—говорить,—вѣдь муженекъ-то мой уже у меня за пазухой.

И показала она ему богатыря... Весь съ воровья, завернуть въ тряпичку, руки и ноги ниточкой спутаны,—самъ чуть живъ, еле дышитъ.

VII.

Сидитъ Вѣтеръ, связанный, за пазухой у жены, и сидитъ онъ тамъ ужъ не малое время. Не то, чтобъ она совсѣмъ не хотѣла его выпускать, а такъ себѣ думаетъ,—дѣло не къ спѣху, пусть посидитъ; — посмотрю ка я что изъ этого выйдетъ... Но что собственно выйдетъ, того не знала не только она, да и никто въ цѣломъ свѣтѣ. А между тѣмъ, вышли изъ этого бѣды великія. Въ иномъ царствѣ, гдѣ солнце свѣтило, и стояла сухая пора, некому стало тучки нагнать, и наступила засуха страшная, такая засуха, что листь въ лѣсу пожелтѣлъ, и земля потрескалась;—и пошли по землѣ пожары, и небо завѣсило дымомъ какъ тучами, и сквозь дымъ солнце глядѣло на землю тусклымъ, кровавымъ пятномъ.. А въ иномъ государствѣ, гдѣ дождикъ шелъ,—некому стало тучки разсѣять, и лило, лило, залило все кругомъ... Дороги размыло; луга размочило въ болота;—малыя лужицы стали большими озерами;

тихіе ручейки превратились въ бурливыя рѣки, а настоящія рѣки выступили изъ береговъ и затопили поля, города, затопили покосы и нивы... И нѣтъ никому проѣзду, и нѣтъ никому проходу... И по всему свѣту мельницы перестали молотъ;—Вѣтеръ не дуетъ, крылья не вертятся, колесо не ходитъ, жерновъ стоитъ, зерно увозятъ назадъ, не смолотое... И корабли съ товарами въ морѣ остановились, не могутъ дойти до берега. Вѣтру нѣтъ, парусъ на мачтѣ виситъ, не шелохнется, море стоитъ какъ зеркало, не дохнетъ; травой его начало уже пробирать, и на травѣ цвѣты уже выросли, а корабль все ни съ мѣста. Запасы выходятъ, прѣсной воды остается мало, матросы повѣсили носъ, капитанъ съ горя запилъ... А на пристани ждуть-пождутъ: нѣтъ ни привозу, ни вывозу,—нессильщикамъ нѣтъ работы; купцы всѣ товары заморскіе продали, а свои въ кладовыхъ гніютъ;—лавки заперты, и нѣтъ никому ни дохода, ни прибыли и всѣмъ грозитъ бѣда неминучая.

И идетъ весь народъ къ своимъ царямъ, королямъ, обступило несмѣтное множество ихъ палаты каменные; толпятся и день и ночь, на колѣняхъ стоятъ, на головахъ держутъ жалобы челобитныя. И встревожились всѣ цари, короли, созвали думы боярскія. Въ думахъ сидятъ день и ночь, ничего не придумаютъ, толкуютъ,—не дотолкуются. И разсердились цари, короли, распустили они свои думы боярскія; велѣли связать звѣздочетовъ и колдуновъ, запирали ихъ въ башни высокія, въ подвалы тюремныя, за окошки рѣшетчатыя;—велѣли имъ ворожить и по звѣздамъ гадать:—не угадаютъ-ли отчего такая бѣда приключилась. И сидятъ колдуны, звѣздочеты въ башняхъ, въ подвалахъ;—сидятъ день и ночь, колдуютъ, на звѣзды глядятъ, а узнать ничего

не могутъ. И разсердились цари, короли, велѣли они казнить звѣздочетовъ и колдуновъ за то, что своею наукою хвастаютъ и за науку деньги съ людей берутъ, а отъ науки той проку нѣтъ.

И вотъ, ведутъ одного колдуна на казнь, на площадь торговую. Идетъ старикъ скованный, вокругъ него стража, сзади палачъ съ топоромъ. Дорогою, попадаетъ ему домъ высокій. Случись такъ, что въ самую ту минуту, когда онъ на тотъ домъ глянулъ, дѣвка изъ чердака перину вытряхивала, и отъ перины той перышко малое, отдѣляясь, стало падать. Глядитъ колдунъ;—не крутится перо, не виляетъ изъ стороны въ сторону, а летитъ потихоньку, прямо, прямехонько внизъ... Остановился;—диво его взяло;—и говоритъ онъ вслухъ, на своемъ колдовскомъ языкѣ:—Эка, молъ, тишь какая!... И куда это вѣтеръ дѣвался?... А съ кровли дома воронъ (тотъ самый, что кости далеко заноситъ), подслушалъ его, да и кричитъ ему:—Ахъ ты колдунишка, молъ, колдунишка ты жалкій! Лысая твоя голова! Бѣлая твоя борода! И живешь ты на свѣтѣ сто лѣтъ, и всѣ науки волшебныя изучилъ; а не знаешь того, куда вѣтеръ дѣвался!...

Смекнулъ колдунъ; свистнулъ по своему, и подкосились у ворона крылья, и упалъ онъ съ высокой кровли прямо къ ногамъ старика. Колдунъ на него наступилъ...—Говори, молъ, сію минуту все, что тебѣ извѣстно; а не скажешь или солжешь, такъ тутъ тебѣ и конецъ.

И рассказалъ ему воронъ все, что ему было извѣстно.—Вѣтеръ, говоритъ мужикова дочь Машка къ себѣ за пазуху спрятала и знаютъ, молъ, промежъ насъ, объ этомъ давно всѣ птицы небесныя и всѣ звѣри лѣсные; одни только вы, люди умные, ничего не вѣдаете.

— Ну, ладно;—а гдѣ эта Машка?

Воронъ сказалъ ему гдѣ, и отпустилъ его старый колдунъ, а самъ обратился къ стражѣ:—Стой!—говорить.—Ведите меня сейчасъ къ королю. Узналъ я всю правду истинную и все ему расскажу.

Привели его къ королю. Тотъ велѣлъ его расковать, посадилъ и началъ допрашивать. И повѣдалъ ему колдунъ правду истинную. Такъ и такъ,—говорить; бѣда вся отъ того, что Вѣтеръ не дуетъ; а Вѣтеръ не дуетъ, молъ, отъ того, что Машка, мужицкая дочь, его спрятала; а Машка эта находится тамъ-то. Тотчасъ велѣлъ король написать указъ и послалъ съ нимъ гонцовъ. А въ указѣ томъ писано: Вѣтеръ у Машки отнять; а ее самую заковать и привезть къ королю. А колдуна велѣлъ засадить. Коли правду сказалъ, говорить, засыплю по горло золотомъ; а солгалъ,—придумаю тебѣ казнь такую, что старый палачъ мой Еремка и тотъ испугается.

VIII.

Сидитъ Маша у дѣда на лавочкѣ;—а дѣдъ отлучился куда-то. Являются къ ней гонцы королевскіе.—Ты,—говорять,—Марья, мужицкая дочь, Вѣтрова хозяйка?

— Я самая.

— А куда,—говорять,—ты, такая, сякая, мужа упрятала?

А она имъ:—Вамъ, господа, на что?

— А вотъ на что...—и прочитали ей королевскій указъ.

— Ну, ладно, отправляйтесь назадъ къ своему королю и скажите ему, что Вѣтеръ мой мужъ и что я съ нимъ дѣлаю, про то сама знаю, а посто-

ронному, въ наше семейное дѣло, мѣшаться не слѣдъ.

Потолковали между собою гонцы и порѣшили: исполнить указъ своего короля во всей точности, значить отнять у ней мужа силою, а ее самую—сковать и везти къ королю. И было ихъ пятеро, да съ ними стражи челоуѣкъ сорокъ, и подступили они толпою къ красавицѣ, всѣ сорокъ пять челоуѣкъ, и слышитъ Маша: старшій ихъ говоритъ:—подержите-ка, братцы, за руки; а я ее обыщу.

Испугалась Маша.—Ну,—думаетъ,—дѣло плохо! Водицы моей не хватитъ, чтобъ всѣхъ ихъ опрыснуть разомъ!..—И вотъ, вынула она своего богатыря изъ-за пазухи, руки и ноги ему распутала...—Слышь ты,—говоритъ,—вонъ шушера какая налѣзла...—Хотятъ меня съ тобой заковать и везти въ тюрьму...

Какъ выпрянулъ у ней богатырь изъ рукъ; какъ потянулся, какъ развернулся... выросъ въ ко-сую сажень, тряхнулъ головою косматою.—Ахъ, вы, мелкота!—говоритъ.—Не по плечу вы себѣ дѣло затѣяли!.. Вотъ я васъ!.. Да какъ свистнетъ, какъ дунетъ... какъ помело ихъ, какъ завертѣло кругомъ, только другъ друга и видѣли:—всѣхъ раскидало не вѣсть куда.

— Ну, женушка,—говоритъ богатырь; а теперь мы съ тобою счеты сведемъ,—и на нее;—а у нея ужъ водица была на готовѣ. Какъ обернется, какъ прыснетъ ему въ лицо;—и свело его опять въ три погибели, и сталъ онъ опять съ пташку малую и вертится у ней въ ногахъ волчкомъ. Поймала она его смѣючись, руки и ноги тою-же ниточкой спутала, завернула въ ту-же тряпичку, и опять за пазуху спрятала.

IX.

Тѣмъ временемъ разметало гонцовъ королевскихъ и съ ними сорокъ человѣкъ стражи по разнымъ краямъ, и рассказали они вездѣ о томъ, что случилось, и скоро, по цѣлому свѣту разнесся слухъ, что Вѣтеръ сидитъ за пазухой у своей молодой жены и что опутала она его волшебными чарами такъ, что ничѣмъ ты его отъ нея не выманишь и никакою силою не возьмешь. И вотъ, по селамъ, по городамъ, на улицахъ и на площадяхъ торговыхъ народъ сталъ собираться на сходки и толковать: какъ-бы горю такому, великому, пособить. И рѣшили челомъ бить Вѣтровой хозяйшкѣ, просить ее, чтобы она не губила въ конецъ родъ людской, не держала-бы мужа денно и ночью за пазухой, а отпустила-бы его на работу. И нарядили для этого выборныхъ, и надѣлили ихъ щедро подарками драгоцѣнными: золотомъ, серебромъ парчей, мѣхами соболями, камнями самоцвѣтными, и послали ихъ съ разныхъ сторонъ къ Марѣ, Вѣтровой хозяйшкѣ.

И вотъ, стали являться къ Машѣ, изъ разныхъ странъ свѣта, разнаго чина и званія люди. Она встрѣчаетъ всѣхъ ласково, выслушиваетъ милостиво и принимаетъ отъ всѣхъ подарочки драгоцѣнные.—Хорошо,—говорить,—подождите маленько, подумаю, дамъ отвѣтъ.

И жалко ей стало бѣдныхъ людей. Столько народу, думаетъ, терпитъ такую нужду! Надо-бы имъ помочь. Да и бѣдный мой муженекъ томится давно ужъ въ неволѣ. Не вѣкъ же его держать за пазухой; когда-нибудь надо и выпустить... И вотъ, удалась она отъ народа въ рощу зеленую, и тамъ,

сидючи на просторѣ, одна, вынула своего муженька изъ-за пазухи.

— Ну что, голубчикъ мой, долгонько ты тутъ сидишь, ручки ножки я чай у тебя замлѣли? Я чай тебѣ погулять хочется?

— Ужъ какъ хочется, Маша, душенька!—отвѣчаетъ онъ ей.—Не томи ты меня родимая, выпусти!

— А какъ ты опять учнешь меня бить?

— Не буду, Машенька; вотъ тебѣ моя клятва!.. Испыталъ я ужъ два раза твою силу волшебную и знаю теперь, что мнѣ съ тобою не справиться. Отнынѣ впредь, буду тебя уважать и служить тебѣ вѣрно; и буду покоренъ тебѣ во всемъ.

— Ну, ладно,—говорить.—Выслушай же теперь что я тебѣ скажу. Думала я о тебѣ, до сей поры, дурно;—думала, что ты буянъ и гуляка праздный, и что нѣтъ у тебя никакой работы, ни ремесла. И въ этомъ каюсь, по глупости своей, я тебя обидѣла. Потому, значить, и у тебя есть дѣло; и дѣло это такое, что оно цѣлому свѣту нужно. Да только обидно мнѣ то, что всякій работникъ плату свою получаетъ и этою платою живетъ безъ нужды; а ты одинъ трудишься даромъ и не успѣлъ, до сихъ поръ, приобрѣсть ничего. И думаю я про себя: что же изъ этого будетъ? Взялъ ты жену; а жить тебѣ съ нею негдѣ. Нѣтъ у тебя ни кола, ни двора. И чѣмъ мы съ тобою будемъ питаться? Чѣмъ дѣтокъ кормить? И думаю я себѣ такъ: богатырь ты, голубчикъ,—сильный, могучій; а хозяинъ плохой... Пусти-ка меня; я за тебя похозяйничаю... Авось дѣло иначе пойдетъ.

Выслушалъ Вѣтеръ женину рѣчь и отвѣчаетъ ей:—Ладно ты говоришь, и вижу я, что ты у меня баба умная. Хозяйничай, какъ умѣешь, и пусть бу-

детъ во всемъ по твоему, а я отнынѣ вѣрный тебѣ слуга.

Какъ только онъ это выговорилъ, такъ она въ ту-же минуту его развязала и освободила. Поднялся Вѣтеръ на ноги, потянулся, поразвернулся, выросъ, тряхнулъ косматою головою и сталъ передъ нею опять могучимъ богатыремъ.

— Ну, женушка,—говорить,—что прикажешь?

— Да ничего, покуда, голубчикъ;—ступай погуляй тутъ около;—ножки поразомни; только далече не уходи; я сейчасъ тебя кликну.

Махнулъ Вѣтеръ въ чистое поле и началъ разгуливать. Поднялась кругомъ буря страшная; — вихремъ крутить, звѣремъ воетъ, рветъ и ломаетъ все, что попало на встрѣчу. Весь пришлый народъ перепугался до смерти. Кинулись всѣ толпой въ рощу, къ Машѣ;—смотрятъ, а тамъ тишина такая, что листь не шелохнетъ.

И вотъ выходитъ къ нимъ Маша.

— Не бойтесь, почтенные господа,—говорить;—это я по просьбѣ вашей мужа освободила и онъ ходитъ тутъ около, оправляется, ножки свои разминаетъ... А теперь слушайте, что я вамъ скажу. Мой мужъ долгое время работалъ на всякаго даромъ и платы ни отъ кого не спрашивалъ, не потому чтобъ онъ былъ вашъ крѣпостной и работой на васъ обязанъ; а потому что онъ былъ одинъ, самъ по себѣ и ничего ему было не нужно и какъ было ему угодно, такъ онъ и дѣлалъ. Теперь этому баловству конецъ. У него есть жена и онъ долженъ своей женѣ угождать, и отнынѣ будетъ уже не какъ ему вздумается, а какъ я захочу. А я хочу, чтобы отъ его трудовъ была намъ обоимъ польза. Хочу чтобы люди, съ цѣлаго свѣта, на каждую тысячу человѣкъ, поставили намъ работника. И чтобы тѣ

Гроза въ полѣ.

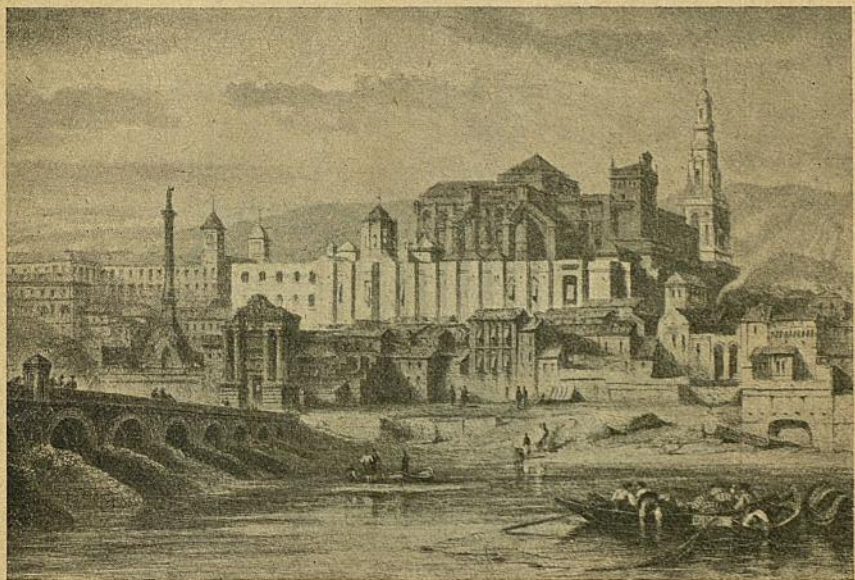
работники выстроили для насъ дворецъ недалеко отъ моря, на берегу, да такой, чтобы въ немъ всѣхъ царей и всѣхъ королей, съ цѣлаго свѣта, можно-бы было въ гости къ себѣ принять и угостить на славу. И чтобы въ этомъ дворцѣ всего было вдоволь. Были бы слуги усердные, и стража почетная, и казна царская. И чтобъ вокругъ того дворца городъ былъ выстроенъ и въ этомъ городѣ всякія мастера и купцы, и заводы, и лавки съ заморскимъ товаромъ. И чтобъ по цѣлому свѣту, съ каждаго корабля, что въ пристань приходитъ, платили намъ рубль, и съ каждаго поля, на которомъ хлѣбъ вызрѣетъ, намъ былъ-бы снопъ, и съ каждаго стада теленокъ или ягненокъ, и съ каждаго табуна жеребенокъ... И если вы, почтенные господа, на это согласны, то мужъ мой будетъ на васъ работать по прежнему, и всѣ невзгоды ваши минуютъ, и всѣ убытки ваши будутъ пополнены съ лихвою.

Переглянулись между собою посланные и поклонились ей въ поясъ. Ладно, молъ, государыня; все, что изволила приказать, будетъ исполнено.

Х.

И все было исполнено слово въ слово такъ, какъ Маша приказывала. Вокругъ того мѣста, гдѣ старый дѣдъ далъ ей пристанище, недалеко отъ морского берега построень городъ обширный; а среди того города пышный дворецъ;—и въ томъ дворцѣ—Марья Вѣтрова хозяйка зажила съ своимъ мужемъ по царски. И не жали они и не сѣяли, не продавали и не покупали, а было у нихъ всего въ изобиліи. Были амбары и кладовыя полныя, были стада, табуны несмѣтные, и казна царская, и стража

почетная. И сзывали они къ себѣ въ гости, со всѣхъ концовъ свѣта, всѣхъ королей и царей и сильныхъ могучихъ богатырей. И давали они пиры горой. И на тѣхъ пирахъ, среди королей и царей и сильныхъ могучихъ богатырей, сиживалъ часто, на верхнемъ концѣ стола, и на самомъ почетномъ мѣ-

стѣ, простой мужичокъ, Машинъ отецъ. И мужичокъ, по старой привычкѣ подпивши на праздникъ, плакалъ отъ радости, любясь на дочку свою красавицу и на мужа ея, богатыря. А женка его, Машина мачеха, зачала отъ зависти.

И былъ Машинъ мужъ сильнѣе всѣхъ въ мірѣ богатырей. Ходили противъ него войною не разъ силы несмѣтныя и витязи знаменитые, да никому

не удалось его одолѣть. Выйдетъ одинъ противъ всѣхъ въ чисто поле, да какъ размахнется, какъ дунетъ, такъ все и летитъ, стремглавъ, кувыркомъ въ разныя стороны. Но не за это одно былъ онъ съ женою въ почетѣ и славѣ; а больше еще за то, что былъ онъ усердный, дюжій работникъ и не спѣсивъ, работалъ на всякаго безъ разбору, и всякому работа его была нужна.

